

Лобас Николай Степанович

**Каторга и поселение на острове
Сахалине**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Степанович Л.**
Каторга и поселение на острове Сахалине / Лобас Николай Степанович – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 161 с.

ISBN 978-5-519-93711-5

ISBN 978-5-519-93711-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Предисловіе.

Почти семь лѣтъ, проведенныхъ мною среди ссыльнаго населенія О-ва Сахалина и близкое знакомство съ условіями его быта, даютъ мнѣ смѣлость говорить о русской штрафной колоніи, несмотря на существованіе въ отечественной литературѣ такихъ капитальныхъ и талантливыхъ трудовъ, какъ книги А. П. Чехова и В. М. Дорошевича. Въ предлагаемой работѣ о Сахалинѣ, основанной на строго фактическомъ матеріалѣ, я старался, въ возможно сжатой формѣ, очертить условія жизни невольнаго населенія острова, указать на недочеты существующаго на немъ режима и, по мѣрѣ силъ, намѣтить пути, которые, по моему мнѣнію, являются наиболѣе подходящими въ цѣляхъ продуктивности штрафной колоніи, какъ со стороны ея процвѣтанія, такъ и со стороны возрожденія ея невольныхъ насадителей. Само собою разумѣется, что я далекъ отъ мысли считать свой трудъ значительнымъ, но все-же,

беру на себя смѣлость думать, что данныя, собранныя въ немъ, представляя рядъ фактовъ, лично мною провѣренныхъ, послужатъ, хотя и весьма скромнымъ, но, мнѣ кажется, не лишнимъ дополненіемъ къ трудамъ вышеназванныхъ авторовъ.

Введеніе.

Литература о Сахалинѣ въ послѣднее время разрослась до почтенныхъ размѣровъ. Виновникомъ интереса, возбужденнаго островомъ изгнанія, нужно считать А. П. Чехова, посѣтившаго его въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ и написавшаго о немъ прекрасную книгу. Съ легкой руки Чехова, Сахалинъ стали посѣщать, какъ русскіе, такъ и иностранные изслѣдователи. Въ „Одесскомъ Листкѣ“ печатались очерки Сахалина В. М. Дорошевича, въ этомъ году вышедшіе отдѣльной книгой. Затѣмъ появились въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ воспоминанія Г. Миролюбова. Труды первыхъ двухъ авторовъ превосходно рисуютъ Сахалинскую дѣйствительность со всѣми ея повседневными жестокими мелочами. Близко зная Сахалинъ и быть его невольныхъ обитателей, я смѣло могу сказать, что книги Чехова и Дорошевича должны быть настольными книгами всѣхъ тѣхъ, кто желалъ бы познакомиться съ русской каторгой и ссылкой.

Г. Миролубовъ, пробывшій на Сахалинѣ 8 лѣтъ и напечатавшій свои воспоминанія въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, довольно ярко и талантливо воспроизвелъ картины изъ жизни невольныхъ обитателей о-ва Сахалина, но трудъ его грѣшитъ въ томъ отношеніи, что авторъ не удержался на почвѣ объективности. Являясь въ своихъ воспоминаніяхъ центральной фигурой, Миролубовъ наиболѣе подробно останавливается на тѣхъ событіяхъ, которыя имѣли то, или иное вліяніе на его личную жизнь, и проходитъ молчаніемъ факты Сахалинской дѣйствительности большаго значенія. Характеризуя лицъ, дѣлавшихъ въ его время Сахалинскую жизнь, авторъ къ нимъ отнесся недостаточно критически, а потому и характеристики ихъ вышли пристрастными и односторонними. Вообще о. Сахалинъ въ описаніи Миролубова не производитъ того мрачнаго, безнадежнаго впечатлѣнія, какое неминуемо является у всѣхъ тѣхъ, кому близко и основательно приходилось съ нимъ знакомиться. Видимо автора подкупило то обстоятельство, что, лично къ себѣ, на островѣ онъ видѣлъ только хорошее отношеніе, и тѣ лица, дѣятельность которыхъ должна лечь мрачнымъ и позорнымъ пятномъ на исторіи Сахалина, въ его описаніи вышли симпатичными, а многія событія, рисующія Сахалинъ,

какъ мѣсто плача и скрежета зубовъ, пройдены имъ молчаніемъ. Изъ русскихъ изслѣдователей Сахалина мнѣ остается упомянуть о д-рѣ Никольскомъ, проф. Красновѣ и Г. Поляковѣ. Труды этихъ авторовъ имѣютъ чисто спеціальный характеръ, касаясь, главнымъ образомъ, географіи о-ва Сахалина; если авторы и говорятъ въ нихъ объ условіяхъ Сахалинскаго быта, то вскользь, мимоходомъ. Что же касается иностранныхъ писателей, удѣлившихъ свое вниманіе Сахалину, то изъ такихъ мнѣ пришлось познакомиться съ произведеніемъ англичанина Гарри-де-Виндтъ, да и то по выдержкамъ, появлявшимся въ нашей періодической прессѣ. Судя по этимъ выдержкамъ, книга Гарри-де-Виндтъ представляетъ изъ себя сплошную нелѣпость. Иначе и быть не могло: Гарри-де-Виндтъ былъ на Сахалинѣ въ мое время, пробылъ на островѣ (въ Александровскомъ и Корсаковскомъ округахъ) въ общей сложности, дней 8-9 и, за это время, несмотря на полное незнаніе русскаго языка, ухитрился такъ основательно и всесторонне познакомиться съ русской штрафной колоніей, что съумѣлъ написать о ней книгу. Кромѣ перечисленныхъ работъ объ островѣ, въ русской прессѣ разновременно появлялось много статей, посвященныхъ тому, или иному вопросу Сахалинской жизни. Такимъ образомъ,

мы видимъ, что въ сравнительно короткій періодъ времени появилось достаточное количество работъ о Сахалинѣ и, все же, этотъ островъ представляется во многихъ отношеніяхъ землей неизвѣстной, до такой степени неизвѣстной, что одинъ изъ нашихъ видныхъ юристовъ на Парижскомъ тюремномъ конгрессѣ не смогъ дать удовлетворительнаго отвѣта на вопросъ французскаго юриста, что такое Сахалинъ.

Далекимъ устроителямъ Сахалина казалось, что ему предстоитъ свѣтлая будущность, какъ сельско-хозяйственной штрафной колоніи, могущей возродить преступный людъ къ новой, полезной жизни. Одни изъ лицъ, близко знакомыхъ съ положеніемъ дѣлъ на Сахалинѣ, хотѣли бы видѣть въ немъ фабрично-промышленный центръ; другіе полагаютъ, что Сахалинъ по своимъ климатическимъ условіямъ, по недоступности береговъ, неимѣющихъ ни одной гавани и окруженныхъ льдами почти $1/2$ года, не заслуживаетъ того вниманія, которое ему удѣляется и что средства, расходуемая казной на насажденіе тамъ штрафной колоніи, затрачиваются совершенно непроизводительно, благодаря чему островъ является тяжелымъ бременемъ для государства. Гдѣ лежитъ правда, покажетъ будущее, а пока съ островомъ изгнанія приходится считаться, какъ

съ сельско-хозяйственной штрафной колоніей.

Почти 30-ти лѣтній опытъ насажденія на Сахалинѣ руками ссыльныхъ сельскаго хозяйства, поглотившій много человѣческихъ жизней и миллионы денегъ, привелъ къ весьма жалкимъ результатамъ. 30 лѣтъ Сахалинцы мучились, съ величайшими трудностями обрабатывая землю, изводились отъ непосильной работы въ глухой, болотистой и непроглядной тайгѣ; 30 лѣтъ сѣяли хлѣбъ и все это время питались хлѣбомъ, привозимымъ изъ Европейской Россіи и Америки, при чемъ стоимость фрахта почти равнялась стоимости хлѣба. Стремленіе, во что бы то ни стало насадить на Сахалинѣ сельское хозяйство, повело къ тому, что дѣйствительно громадныя, неизсякаемая богатства острова оставались въ забвеніи. Мощные (въ сажень толщиною) каменно-угольные пласты хищнически разрабатывались и разрабатываются частными промышленными компаніями, наживающими огромныя деньги съ нашей военной Тихоокеанской эскадры. Прекрасная Сахалинская рыба вылавливается японцами и въ это же время тюремная администрація, для довольствія ссыльнаго населенія, покупаетъ большую часть рыбы въ Николаевскѣ на Амурѣ, (главный ходъ рыбы у береговъ Сахалина); мясо (солонина) доставляется на Сахалинъ изъ Европейской

Россіи и Америки. Не смогла Сахалинская сельско-хозяйственная колонія за 30 лѣтъ развести свой скотъ, при весьма благопріятныхъ для этого условіяхъ (обиліе пастбищъ). Имѣли же возможность нѣкоторые Сахалинскіе чиновники развести въ короткое время по 50-60 головъ рогатаго скота. Чудные строевые лѣса Сахалина сводятся самымъ безжалостнымъ образомъ на топливо, при изобиліи каменнаго угля, добываніе котораго не представляетъ большихъ трудностей, такъ какъ каменно-угольные пласты выходятъ на поверхность земли. Гибнутъ лѣса (десятки тысячъ десятинъ) и отъ пожаровъ, и все дальше и дальше уходятъ отъ населенныхъ мѣстъ.

На основаніи личныхъ наблюденій въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, я убѣдился, что вся неудача съ колонизаціей Сахалина произошла отъ того, что по какому-то, трудно объяснимому, недоразумѣнію, длившемуся не одинъ десятокъ лѣтъ, руки и способности ссыльных прикладывались не къ тому дѣлу, которое этого стоило и, благодаря низкому умственному и нравственному уровню лицъ Сахалинской тюремной администраціи, вообще прикладывались къ дѣлу не такъ, какъ бы это слѣдовало. Въ результатъ невольное населеніе острова, годы обязательнаго пребыванія на немъ, кое-какъ перебивалось, весьма

часто голодало, такъ какъ на Сахалинѣ, при всѣхъ его естественныхъ богатствахъ, не могло найти заработка, проклинали ненавистный островъ и, при первой возможности, покидало свои жалкія, разбросанныя въ тайгѣ, лишенные дорогъ селенія, свои не менѣе жалкія, игрушечныя поля и, всѣми силами души, стремилось выбраться на материкъ, гдѣ все-таки можно было найти кое-какой заработокъ. Меньше всего Сахалинъ удался, какъ колонія, устроенная ради возрожденія преступной личности. Каторжный островъ, благодаря своимъ специфическимъ условіямъ, явился высшей школой преступности. За это говоритъ большое число ужасающихъ преступленій на островѣ; преступленія на материкѣ Сибири, авторами которыхъ являются Сахалинскіе поселенцы, выпускаемые съ острова на заработки.

Предметомъ настоящаго очерка послужить описаніе обстановки жизни невольныхъ обитателей Сахалина и выясненіе тѣхъ неблагоприятныхъ и своеобразныхъ условій, которыя послужили тормазомъ въ дѣлѣ развитія Сахалинской штрафной колоніи.

I.

Географическій очеркъ О-ва Сахалина. *)

Прежде чѣмъ перейти къ описанію условій жизни на Сахалинѣ, считаю необходимымъ предпослать краткій географическій очеркъ его, тѣмъ болѣе, что географическое положеніе этого острова, его своеобразныя климатическія условія несомнѣнно играютъ выдающуюся роль въ дѣлѣ насажденія на немъ сельско-хозяйственной колоніи, роль, которая, какъ будетъ видно ниже, совершенно не была предусмотрѣна устроителями колоніи.

Какъ извѣстно, Сахалинъ принадлежитъ къ цѣпи Японскихъ острововъ, расположенныхъ къ востоку отъ Азіатскаго материка и, являясь самымъ сѣвернымъ изъ нихъ, находится между 45°54'—54°21' с. ш. и 159°18'—162°26' в. д. Съ сѣвера и востока Сахалинъ омывается Охотскимъ моремъ, съ запада Татарскимъ проливомъ и съ юга Лаперузовымъ проливомъ. Берега Сахалина изрѣзаны множествомъ заливовъ, **) но всѣ они неудобны для якорныхъ стоянокъ, такъ какъ совершенно открыты господствующимъ на Сахалинѣ вѣтрамъ и замерзаютъ въ теченіе 6-7 мѣсяцевъ.

*) Очеркъ составленъ мною не по первоисточникамъ.

**) Самые значительные изъ нихъ Анивскій, Терпѣнін, Набильскій и Пийскій, изъ которыхъ первый находится на Южн. Сахалинѣ, втор. на средн. и послѣд. 2 на Сѣв. Сахал. (см. карту).